
ВЕНЕРА — МОСКВА — ЮПИТЕР
ВЕКТОР ДВИЖЕНИЯ
КНИГА 2
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
НИК МОНК

Венера-Москва-Юпитер

Ник Монк

Венера-Москва-Юпитер. Книга вторая: Вектор движения

«Автор»
2026

Монк Н.

Венера-Москва-Юпитер. Книга вторая: Вектор движения /
Н. Монк — «Автор», 2026 — (Венера-Москва-Юпитер)

Человечество вступило в космическую эпоху, не оставив на Земле ни свои страхи, ни борьбу за ресурсы, ни стремление к контролю. Государства и корпорации продолжают делить пространство и влияние уже за пределами планеты.После потери статуса Александр Вихров оказывается вне системы, которая определяла его путь. Теперь у него нет ни поддержки, ни гарантий — только возможность двигаться дальше, полагаясь на себя и находя рядом тех, с кем это движение становится возможным.Становой хребет — место, где решения проверяются сразу, а обстоятельства могут быть так же безжалостны, как космос. Здесь не говорят о высоком. Здесь учатся держать слово, прикрывать друг друга и идти до конца.А за пределами привычного опыта всё чаще возникают вещи, которым пока нет объяснения.И чем дальше человек уходит от прежнего себя, тем яснее становится: вектор движения задаёт не система. Его задаёт тот, кто готов взять на себя ответственность и подставить плечо другу.

© Монк Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 10
Глава 2 21
Глава 3 31
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Ник Монк
Венера-Москва-Юпитер. Книга вторая: Вектор движения

Пролог

— Капитан на мостике! — гаркнул второй пилот, разбудив сам себя. Он подскочил в кресле и тут же стукнулся макушкой о крышку сервисного люка.

Следом аккуратно приподнялись учёные, натянув вежливые улыбки. За капитаном на мостик вплыл Джиён — главный механик корабля. Все с вежливым вниманием посмотрели на девушку, стараясь соблюдать приличия, хотя сцепленные в замок руки выдавали тревогу.

Как-то ночью Юнби, скользя по поручням в коридоре, слышала, как в своей каюте плакал и проклинал судьбу доктор Ким. Его причитания: «Мы все погибнем! Мы все погибнем! У нас сумасшедшая капитан!» — до сих пор звучали у неё в голове ржавым скрипом каждый раз, когда он попадался ей на глаза. Хорошо ещё, что доктор Пак, пришедший поддержать своего подчинённого, быстро затворил за собой дверь в его каюту. А то бы она залетела внутрь и отвесила ему крепкую пощёчину.

Конечно, потеря двух экспериментальных зондов с гиперприводом — это катастрофа. Бабушка зря рассчитывала на секретность миссии. Уже на орбите Марса их начали брать в клещи, и маневрирование на подлёте к астероидному поясу всё больше походило на то, как гоняют горошину по пустой тарелке после завтрака. Все в экипаже напряжённо ждали, когда загонщикам это надоест, они раздавят непослушную горошину вилкой и наконец съедят.

Но Юнби не зря была бабушкиной любимицей. Девушка собиралась и в этот раз оправдать доверие — доказать, что сможет взять бразды управления чеболем и звёздной корпорацией «Хэтпит». Она просто не умела бояться. А может — ещё не научилась.

Вначале всё шло хорошо. Двое суток полёта с орбиты Марса до астероидного поля капитан использовала с толком. Пока «Квансон» выполнял те самые хаотичные манёвры горошины по тарелке, бортовой искин собрал телеметрию профилей, спрогнозировал параметры силовых установок кораблей преследователей, а пару целей даже идентифицировал по сигнатурам.

Их догоняли два пиратских рейдера класса «Скорпион». Это окончательно стало понятно, когда те сбросили маскировочные панели с корпуса и развернули рефлекторы теплоотведения, не выдержав рваного темпа «Квансона». Группа, шедшая на перерез вдоль края пояса, и вовсе не успевала: просто тащилась в точку, куда «Квансон» мог бы прибыть, если бы придерживался изначального курса. Но даже это сужало пространство для манёвра.

Юнби сбилась со счёта, сколько раз меняла векторы траектории. Эта русская машинка — квантовый ускоритель — была просто волшебной игрушкой. «Квансон» и так был оснащён лучшим в своей линейке плазменно-ионным двигателем «Орион 7Х» с регулируемой тягой до 150 кН. Но ускоритель делал манёвренность яхты неподражаемой.

Сдвиг занимал несколько минут: сначала генерация локального искажения метрики, затем плавное изменение траектории. За один такой рывок «Квансон» мог отклониться максимум на двадцать градусов.

Едва квантовое поле начинало постепенно «выключаться», чтобы избежать скачка инерции, капитан, полностью взяв на себя управление кораблём, приступала к расчёту следующего прыжка. Она давала преследователям время перестроиться, самим поманеврировать, а заодно копила заряд накопителей и сбрасывала тепло. С каждым новым сдвигом разрыв неумолимо рос.

Система стабилизации успешно справлялась с поддержанием ориентации кабины, а вспомогательные контуры квантового привода своевременно корректировали эффективную массу корабля, минимизируя перегрузки. Но учёных всё равно пришлось погрузить в медикаментозный сон. Скачки до 3g не позволяли им работать даже лёжа, поэтому про расчёт и подготовку варианта бегства через спасительный прокол пространства пока пришлось забыть.

У преследователей тоже были квантовые ускорители, но уже к концу первого дня бортовой искин выдал их ТТХ, и второй пилот Минхо с гордостью «положил на стол» перед капитаном готовый результат: подробную матрицу режимов двигателей противника. Судно корпорации «Хэтпит» оправданно считалось премиальным в лёгком классе — оно превосходило преследователей практически по всем параметрам силовой установки, а уж в решительных и умелых руках могло принести победу в этой гонке.

Трижды Юнби пыталась включить маскировочные поля, но уже на втором манёвре становилось понятно: преследователи их чётко видят и сопровождают. Странная неисправность не находила объяснения, хотя Джиён за следующие несколько дней вручную прозвонил весь контур. Требовался выход в открытый космос и обследование модулей генерации на корпусе, но этого они пока себе позволить не могли.

Даже при этом у них оставался неплохой шанс оторваться. После короткого разговора с доктором Паком, отвечавшим за программу эксперимента, район пуска решили перенести, невзирая на приближавшийся Юпитер. Выход в гравитационно-нейтральную точку был возможен, если оторваться от преследователей на треть астрономической единицы.

К концу пятого дня Юнби набрала необходимый отрыв и по прямой рванула к поясу. Она намеревалась пройти его насквозь, провести запуск зонда с гиперприводом на внешней стороне, а потом скрыться среди астероидов и проскочить навстречу пиратам. По сути, они должны были запустить зонд в точке А и подобрать его в точке В, а теперь пункты назначения просто поменялись местами. Хуже было бы, если миссия «Квансона» вообще не была секретом. Тогда можно было ожидать, что и в точке В их караулят. Но об этом она предпочитала не думать, решая проблемы по мере поступления.

В точку «В» они вышли штатно: выгрузили оба зонда, отошли на 100 000 км и приготовили первый к запуску, наслаждаясь тишиной на радарах. Видимо, у преследователей не хватило запаса хода. Первый зонд скакнул успешно, но на смешное расстояние. Вместо одной астрономической единицы он переместился почти в прямую видимость по меркам космоса — сутки полёта на крейсерской скорости. Но это был результат! И успех! Воодушевление на яхте чуть не переросло в празднование, но его оборвало появление двух дружественных меток. Не нейтральных — дружественных!

Юнби не верила своим глазам. На долю секунды она даже ощутила приступ паники: Юнби точно знала, что «своих» кораблей здесь быть не может. Их взломали! А если так, то это кардинально меняло картину. Ещё перед отлётом они с главой семьи особо оговаривали режим радиомолчания, который надо было сохранять при любых обстоятельствах — до успешного завершения или полного провала миссии.

Из глубины пояса показались два «Терминатора». Эти крейсера активно использовались для охраны контейнерных караванов, но успели снискать популярность и среди космических флибустьеров. Модификации встречались самые причудливые, но почти все несли торпедное вооружение. Каждой из четырёх торпед было достаточно, чтобы уничтожить «Квансон» без шансов на восстановление.

«Яхта „Квансон“, вы идентифицированы. Вы обязаны передать данные эксперимента. Сопротивление бесполезно.»

Сообщение на экране лишило последних сомнений и заставило Юнби сжать кулаки. С этого момента она уже не думала о науке и колоссальном успехе, свидетелями которого они только что стали. Прямое боестолкновение они проигрывали. Шансов, что их оставят в живых

после передачи результатов — никаких. Выбор сузился до невозможного: уничтожить противника или погибнуть самим, но перед этим уничтожить зонды и стереть результаты эксперимента.

Мозг лихорадочно перебирал варианты. И тут ей вспомнилась последняя тренировка перед вылетом. Тогда Юнби гоняла на «Квансоне» по предполагаемой трассе «Кубка Лунной Траектории» и столкнулась с эффектом гравитационного возмущения при пороговых нагрузках квантового ускорителя. Быстро обсудив идею с доктором Паком, она решительно начала разгон, готовясь петлять, как заяц. Теперь всё зависело от того, как поступят «Терминаторы».

Зонд, подготовленный ко второму запуску, остался сиротливо висеть в пустоте, а «Квансон» метнулся вдоль внешней кромки астероидного поля. Из бортового вооружения у них были только плазменные противометеоритные пушки, которые хоть и контролировали всю сферу, но были практически бесполезны против торпед, и спаренная рельсотронная пушка в носовой части корабля. Против «Терминаторов» этого было тем более недостаточно.

Ловушка сработала. Корабли выпустили по одной торпеде вдогонку беглецу, после чего приблизились к зонду с двух сторон на 10 000 км. Один из них пошёл на сближение, чтобы подобрать добычу с гипердрайвом. К этому моменту накопители зонда вышли на пиковую нагрузку, и мощный гравитационный всплеск прокола совпал со взрывом самоуничтожения — как раз когда манипулятор готовился к захвату.

Экипаж заворожённо уставился на изображение парящего обрубка, тогда как второй крейсер спешно развернулся и покинул поле боя, оценив безнадёжность преследования лёгкого корабля, выходящего на крейсерскую скорость.

Эта первая победа воодушевила экипаж, но стала последней радостной новостью перед чередой тяжёлых испытаний. Торпеда со взорванного корабля потеряла наведение и стала лёгкой целью для противометеоритной обороны, но вторая взорвалась в опасной близости, существенно повредив обшивку и внешние системы «Квансона». Если бы не гравитационный манёвр вокруг астероида М-класса, который Юнби автоматически внесла в каталог как потенциально интересный для разработки, ущерб от взрыва был бы фатальным. Она прошла на минимально допустимой высоте от поверхности и почти идеально выполнила манёвр: забрала 14,7 градуса отклонения и получила ускорение 52 м/с. Но на этом ресурсы «Квансона» практически исчерпались.

Второй зонд самоликвидировался через десять дней где-то за внешней границей астероидного поля. «Квансон» так и не смог подойти и подобрать его: яхта уже третью неделю торчала на пустынном углеродистом осколке С-класса в глубине пояса, наматывая круги и лишь изредка корректируя орбиту скупыми импульсами гидразиновых двигателей. Впрочем, и в этом положении был свой плюс: низкое альбедо приютившего их космического странника в сочетании с термохромной краской позволяло поддерживать оптимальный режим маскировки при минимальных энергозатратах, пока экипаж занимался срочным ремонтом квантового ускорителя.

— Минхо, выведи на общий визор статус повреждений корабля, — обратилась девушка к поедавшему её восторженным взглядом второму пилоту и откинула с глаз непослушную чёлку, закрепив прядь заколкой-невидимкой.

«Этот влюблённый мечтатель, наверное, спит и видит, как умереть, держа меня на руках», — раздражённо подумала она, но не позволила чувствам проявиться на лице и благодарно улыбнулась, оценив исполнительность подчинённого.

— Доктор Пак, доктор Ким, примите мою благодарность. Ваша идея сработала. Диагност показывает, что рассинхронизация квантового ускорителя практически полностью устранена — сегодня мы завершили демонтаж второго контура. Теперь у нас есть реальный шанс выйти из пояса, связаться с ближайшей станцией поддержки и хотя бы вызвать дозаправщик.

Юнби беззаботно рассмеялась и немного торопливо смахнула со своего комма на общий визор обновлённый отчёт, не позволяя экипажу вчитаться в красные строки.

— Гиперсвязь остаётся заблокированной — оборудование сильно пострадало при взрыве торпеды. Но хорошая новость в том, что уже дней через двадцать мы войдём в зону уверенного приёма станций поддержки марсианской орбиты.

— Капитан, как я рад, что фазированная решётка не пострадала! — Минхо лучился энтузиазмом. Он поддерживал командира и старался выглядеть таким же беззаботным. Внимательно посмотрел вкладку связи в обновлённом по итогам наружного ремонта отчёте и продолжил источать восторг. — Это высочайшее мастерство, госпожа, вы восстановили эффективный диапазон до полных пяти миллионов километров!

— Конкретно заменой повреждённых элементов фазовой решётки занимался Джиён. Его и хвалите.

Юнби оттолкнулась, гибко изогнулась в сальто и, скользнув под потолком, пропустила механика в центр тесной рубки, где собралась вся команда. Переместившись за его спину, она опустилась в кресло штурмана и замерла, погрузившись в расчёты.

На мостике тем временем все обменивались жизнерадостными репликами о скором завершении миссии и наперебой демонстрировали веру в успех. Правда, делали это слегка приглушёнными голосами, чтобы не мешать капитану.

Юнби из последних сил поддерживала в команде хотя бы эту напускную атмосферу оптимизма и демонстрировала решимость справиться с любыми трудностями. Рассинхронизация квантового ускорителя была критической, и отклонение достигало 10^{-4}, что грозило полным отказом в любой момент.

Перегрузку системы стабилизации по-прежнему не удалось устранить — периодически корабль терял ориентацию на десять — двенадцать секунд, а это требовало регулярной калибровки и ручного контроля.

Запас ксенона был на критической отметке в 35%. Она умышленно не дала разговору выйти на эту тему, и поспешила заняться расчётами полётного задания. Нужно было предложить конкретный план действий и не позволить людям задуматься, что запаса системы жизнеобеспечения хватит только на тридцать дней. Это было на пределе.

Им предстояло провести предполётную подготовку и покинуть астероидный пояс — на это уйдёт два дня. Потом ещё двадцать пять дней, в лучшем случае, придётся лететь до границы связи с наблюдательными станциями на орбите Марса. Накопители за последние три недели восстановились, и скоро можно будет даже включить искусственную гравитацию, но Юнби чувствовала: надо продолжать экономить на всём.

Несмотря на восклицания Минхо, которому на этот раз она была благодарна, в диапазоне «Ка» связь была нестабильна. В условиях полной потери гиперпространственной связи это был их единственный шанс на спасение. Если только истинная госпожа Тен — её бабушка, глава семьи, семейного чеболя и корпорации — не догадается выслать поисковые группы.

Это будет безумно дорого, и девушка уже сейчас испытывала приступ стыда за те неудобства, которые её провал может причинить семье.

Но самая большая проблема была в другом. Вот уже третью неделю она проводила тщательный осмотр корпуса, пытаясь найти малейшие остатки странного образования, которое вывело из строя внешние модули связи. Тонкая плёнка, подобно плесени или полипу, распространилась по обшивке и, по-видимому, вызвала полный отказ гиперпространственной связи сразу после старта из доков на марсианской орбите.

Юнби достала контейнер с остатком странного образования. По всей видимости, внутри сохранился управляющий модуль той самой плёнки, что распространилась по корпусу корабля. Таких модулей было несколько, но только этот сохранился относительно целым, хоть и обуг-

лившимся. Стоило выжечь средним зарядом плазменного резака такие вот «бугорки», как плёнка скукоживалась и рассыпалась.

Юнби уже почти успокоилась и понадеялась, что с этой проблемой теперь предстоит разбираться учёным корпорации. Но два дня назад появились тревожные симптомы в локальной сети датчиков стабильности квантового привода. В автономной системе прогнозирования перегрева и контроля резонанса проявились уже знакомые стохастические колебания импеданса. Надо было успеть выйти в зону связи, пока не отказал квантовый ускоритель, если зачистка проведена не до конца.

— Экипаж! Объявляю трёхчасовую готовность перед стартом. Минхо, на тебе проверка стабильности квантового ускорителя и оценка состояния манёвровых двигателей. Джиён, даю час отдыха, чтобы привести себя в порядок, после чего займёшься тестированием энергетической системы — особенно проверь лепестки теплоотведения по правому борту. Доктор Пак, доктор Ким, к вам у меня просьба: возьмите этот контейнер и проведите анализ содержимого. Предположительно, оно как-то связано с выходом из строя слаботочных сетей маскполя и дальней связи.

Девушка откинулась в кресле и позволила себе наконец закрыть глаза, когда все переключились на свои задачи.

«Как же хочется домой», — предательская мысль кольнула влагой в уголках глаз, но будущая глава клана только прикусила нижнюю губу и выбрала пункт меню «Тренировка на трассе “Кубок Лунной траектории”».

«Я не собираюсь опаздывать к квалификационным заездам!» — на её лице появилась упрямая улыбка.

Глава 1

— Офицерского состава не хватает. Возьмёшь первый взвод БРПК. За тебя Федорчук поручился, — заместитель командира части кивнул на замполита, полноватого, но крепкого офицера, сидевшего напротив меня за командирским столом, и довольно ухмыльнулся: — Меня не будет недельку, отскочу в Комсу, там госприёмка на носу — нам должны новую технику передать. Принимай дела во взводе и готовься с личным составом за БРПК лететь, как вернусь. Потом несколько дней на обкатку и отправим вас в дозор. Если по ситуации в коллективе или по технике будут вопросы — спросишь капитана Поддубного.

Сидевший рядом с замполитом капитан кивнул, даже не сменив расслабленной позы. От его поджарой фигуры исходили такая уверенность и привычка командовать, что, если бы не погоны, я бы решил: передо мной офицер куда старше по званию.

— Мне бы личные дела бойцов — ознакомиться, — приняв его деловой и неформальный тон, я решил брать быка за рога.

— Майор, как считаешь, доступ дадим? Молодой ещё совсем, — подполковник Коровин хмыкнул и, не глядя в мою сторону, покосился на замполита.

Тот сдвинул брови к переносице, забавно сморщил лоб и шевельнул усами у самого носа. Поняв его без слов, замкомандира части повернулся ко мне:

— Ты вот что, давай-ка сам пока с бойцами познакомься, разберись, что и как, погоняй-ка их. Себя поставь. А там, ближе к патрулю, и с делами решим.

Он сверился с коммом и кивнул майору Федорчуку:

— Взвод сейчас в ангарах, через сорок минут на обед пойдут — успеваете перехватить их и нового командира представить. Комроты ещё не вернулся, так что тебе поручаю.

Так началась моя служба в дисбате.

Мы вышли из здания штаба и направились вдоль казарм к ангарам БРПК, обходя плац и спортивную площадку. Гарнизонный городок меня порадовал чистотой, крашеными бордюрами и зелёной травой газонов. Все строения — одноэтажные, камуфляжной раскраски. Вот забавно, а бордюры — ярко-белые. Смех, да и только: с воздуха да их и из космоса видно, как разметку на аэродроме. В общем — Армия, с большой буквы. Зато Перчинке тут будет раздолье: по всему периметру, метрах в пятидесяти за забором базы, уже начиналась густая тайга.

Перчинка простилась со мной ещё на подходе к КПП: проклекотала нежную трель наподобие дельфина, соскочила с моего вещмешка и первой стремительно нырнула под ворота — осваивать новую территорию.

Предстояло ответственное дело — знакомство с подчинёнными. Пока добирался, я прокручивал этот момент то так, то этак, прекрасно понимая, что из вчерашнего курсанта опытного сержанта не изобразить. Понятно, что выёживаться не стоит, но и момент дисциплины как-то надо не упустить. По-любому рано или поздно мне придётся приказывать. И вот тут — момент истины. И испугаться отдать первый приказ нельзя, и по течению устоявшегося распорядка плыть не стоит. Люди почувствуют. А я, как назло, чувствовал в себе какую-то слабость.

Попробовал разобраться. Во-первых, я привык к коллективу, где все делают одно дело и не спорят, где всех объединяет одна цель. А во-вторых, моя неконфликтность. Хотя тут как посмотреть. Чтоб не завалить дело, я скорее впрягусь сам и ткну носом виноватого потом, но здесь так нельзя. Эх, гораздо легче, когда уже есть авторитет. Но всегда надо с чего-то начинать.

Решил придерживаться стратегии: «делаем всё по существу». У меня наметился козырь — новая техника, упомянутая замом командира части. С ней у меня есть шанс разобраться быстрее и лучше других. Но сначала надо посмотреть, на чём они тут бегают.

Сомнения тут же вернули меня к последнему разговору с дедом. Только сейчас я начал понимать, о чём он тогда говорил. В первый наш разговор я честно признался ему, что у меня

никак не укладывается происходящее, будто последние несколько недель я наблюдаю себя со стороны. Как не со мной это всё происходило, а я настоящий и живой остался где-то там, на лётном поле Дягилево, ещё до отправки в тундру. На это в тот вечер, когда мы играли в шахматы, он только вздохнул и сказал, что мне предстоит повзрослеть. На следующий день мы ещё раз засели пить чай в его кабинете после обеда — уже без шахмат, и дед вернулся к этой теме:

— Саша, тебе уже нет времени обижаться на то, что я скажу. Твоя взрослая жизнь уже началась. Ты привык к комфортному существованию. Пойми правильно, я не недооцениваю и тем более не обесцениваю ни испытания на выживание, которые ты проходил, ни упорную учёбу, в которой ты достиг отличных результатов. Но я говорю о другом. Кто ты? Вот в чём вопрос. Можешь на него ответить? Сам себе.

— Я выпускник лучшего училища ВКС Союза, один из лучших на курсе, без пяти минут пилот, — принялся я перечислять свои достижения, сбитый с толку жёстким взглядом деда и самой постановкой вопроса. Я искренне не понял, какой комфорт он имеет в виду. Конечно, я даже вида не подал, но в душе царапнуло ощущение несправедливости, очень похожее на то, что жило во мне с момента допроса в тундре. Уж дед-то должен знать — кто я!

— Наше воспитание ставит коллективное выше личного, и в этом залог процветания общества и развития страны. Но коллектив всё равно состоит из личностей. Кто ты как личность? И являешься ли ты личностью? — дед сидел абсолютно спокойно и говорил ровно, не выделяя ключевые слова интонацией, но я почувствовал: он ждёт ответа на этот вопрос и ещё следит за моей реакцией. А внутренне меня ещё больше подбросило от несправедливости такого вопроса: «Какого лешего?!»

— Я руководил комсомольской организацией училища, завоевал авторитет сотен товарищей, да и у преподавателей — у меня сильные лидерские качества и умение общаться в коллективе, да, в конце концов, я готов защищать наше правое дело! Я с детства упирался, чтобы поступить и стать космонавтом и первооткрывателем! Этого мало? — меня распирало, но где-то внутри я чувствовал, что не угадал с ответом.

— И за что ты считаешь, что тебя надо уважать? — снова спокойно спросил дед.

Я вскипел от мысли, что дед не видит, за что меня можно уважать:

— Дед, что за разнос-то такой! Скажи прямо — что я сделал не так?!

— Пойми, внучек, у меня нет цели тебя обидеть, но я должен был тебе задать эти вопросы. Ты сам, будучи не дураком, прекрасно понимаешь, что прошёл путём, пусть и лучше многих, по которому шли и пойдут ещё. И так же, как ты, другие на этом пути добьются авторитета своими знаниями и умениями, будут стремиться к своей цели, приближая мечту. Твой комфорт был в том, что ты не должен был доказывать своё право на этот путь — доказывать, что ты его достоин.

Ты всегда знал: есть система, и, если ей соответствуешь — идёшь дальше. Попотеешь на тренировке — сдашь ГТО. Поступишь — закончишь — получишь назначение. Как и многие другие, которые идут этим путём. Перед тобой не стояло вызова ответить на вопрос: а кто ты? И чем ты заслужил право идти этим путём?

— Не понимаю, что не так?! Да и как бы я успел совершить подвиг, если ты сам видишь — всё это время я строил себя, если так можно выразиться, и, да, я шёл по пути, заложенному системой. Но всё равно это требует личной верности своей цели.

— То, что я перечислил, относится к категории обязательных усилий, что ты, как человек умный, и подтвердил: не будешь соответствовать — не добьёшься результата. Это укладывается в теорию очевидных минимальных и достаточных усилий.

Дед смотрел на меня очень внимательно, и в его взгляде я видел понимание, что он причиняет мне боль, и надежду, что наш разговор не приведёт к разрыву. Мне было неприятно

в один момент почувствовать себя неправильным, второсортным каким-то. Все годы моего упорного труда, преодолений показались мне обесценёнными.

— Представь себе человека, у которого есть амбиция быть великим полководцем, командовать космическими флотилиями, брать на себя ответственность решать за других, доказывать, что именно его решение верное, что все должны подчиняться ему и идти за ним. Представил?

— Но ведь это гордыня? Амбиции, личные амбиции — это жажда власти, как минимум жёсткий эгоизм! — тут я вообще опешил, окончательно сбитый с толку.

— Да, пусть так, но ты представь. Получается?

— Да, допустим, представил, — я действительно представил такого человека и даже примерил это состояние на себя.

— А теперь скажи мне, — дед задал следующий вопрос тихим и очень ровным тоном: — Как ты считаешь, такой человек повёл бы звено из трёх БРПК в регион навстречу движению потенциальной группы ДРГ при объявленной в приказе угрозе огневого контакта?

— А как же приказ?! — я недоумённо поднял на него взгляд.

— А как же его амбиции и его люди? — в тон мне ответил дед. — Ты несёшь ответственность за всё, что происходит в твоей жизни, за выбранный путь, за принятый приказ, за людей, которые тебе следуют. И если бы человеком на твоём месте двигали такие амбиции, он должен был бы сопротивляться даже приказу, если не уверен в нём. Надо внутренним взором видеть, чего ты хочешь добиться и, главное, как именно. И именно это, а не слепое выполнение требований и, так сказать, слепое следование по пути, и есть сверхусилие. Ты проходишь свой путь, но так, как ты считаешь нужным. Так, как считаешь правильным по своей правде. И если тебе не нравится слово «амбиции», используй вместо него слово «долг», и тогда всё встанет на свои места. Амбиции — для человека неосознанного, эмоционального. А осознанный человек видит в этом скорее свой долг — долг сделать то, что он не может не сделать: реализовать своё видение и взять на себя ответственность за это.

Я тогда надолго задумался, вспоминая все подробности вечера перед боем: свою радость рвануть в рейд, а не стоять в оцеплении, разговор с комвзвода Лёшкой Панкратовым, маршбросок и бой. Мне было стыдно, что такие слова пришлось услышать в свой адрес, стыдно, что в них была своя правда. Стыдно, что опять полезли в голову оправдания и аргументы.

— Исполнять и отдавать приказы надо так, чтобы это не противоречило твоей правде. Люди, которые пойдут за тобой или когда-то будут вынуждены идти за тобой, тоже будут каждый твой приказ проверять на свою правду. — Дед закруглил наш разговор, и мы спустились на кухню ужинать, где колдовала Полина.

«Да, так вкусно покушать мне, наверное, придётся теперь не скоро», — втянул я носом запах пригоревшего жареного лука, когда мы с замполитом проходили мимо откинутого полога тента полевой кухни, где по летнему времени готовили обед.

***

Сквозь раскрытые ворота ангара, откуда веяло жарой и духотой, просматривались ряды БРПК, терявшиеся в темноте его чрева. Технические прожектора горели только в двух местах; рядом крутились техники и бойцы в спущенных до пояса комбинезонах, а кто-то и вовсе был в спортивной форме.

— Михалыч, где Копейкина? — замполит оглядел ряд разобранных БРПК, среди которых я без труда узнал базовые пехотные машины прошлого поколения. Во втором ряду даже стояли пехотные экзоскелеты тридцатилетней давности и боевые мехи первых серий — такие я только на картинке в учебнике видел. Механик, показавшийся мне ровесником, разогнулся и крикнул куда-то вглубь рядов: — Марья, на выход, майор спрашивает.

С противоположной стороны, из-за стоящего спиной к нам «Витязя» первой модели, вышла стройная девушка с закрученными в гульку тёмно-русыми волосами, в спортивном топе и шортах, подчёркивавших её гибкую спортивную фигуру. Этот хрупкий образ, за которым, тем не менее, угадывалась немалая сила, резко диссонировал с мощными армейскими ботинками на крепких ногах.

— Товарищ майор, первый взвод выполняет штатное техническое обслуживание, — прижав руки с промасленной тряпкой по стойке смирно, доложила девушка под критическим взглядом замполита.

Из-за соседних машин стали появляться заинтересованные лица пилотов и техников, которых из-за отсутствия уставной формы было почти не различить.

— Построение перед ангаром через пять минут. Отставить, через семь минут.

Федорчук хмыкнул и направился на свежий воздух. Мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ним. Снаружи было тоже жарко, но не так душно, и мы устроились на скамейке в тени растущей рядом берёзы.

— Копейкина взвод держит в порядке, нареканий по дисциплине нет. Техника старовата, конечно. Последний раз из рейда две машины пришлось эвакуировать. — К моему удивлению, Федорчук достал сигарету и закурил, лишь фыркнув на мой косой взгляд. — Они плотно сработались с первым взводом десантников — в патрулирование ходят с его первым отделением.

— Товарищ майор, разрешите вопрос? Как обычно проходит патрулирование, какие задачи в приоритете? — я решил воспользоваться моментом и побольше узнать про предстоящую службу.

База располагалась в предгорьях Станового хребта, который простирался более чем на 700 километров: от истоков реки Алдан и части наземной трассы с воздушным транспортным коридором «Лена» на западе — до Охотского моря и хребта Джугджур на востоке. Здесь проходил водораздел рек Северного Ледовитого и Тихого океанов. Воинская часть с севера прикрывала Зейское водохранилище и гидроэлектростанцию, включённую в единую энергетическую сеть России, но в приоритете обеспечивающую энергией космодром «Восточный» и орбитальный лифт.

— Обычно мы отправляем патрули вдоль Станового. Ваше направление будет на восток. Пройдёте по координатам, посмотрите вокруг. Основная задача — визуальный контроль и техническое обслуживание сети автоматических пунктов наблюдения, ну, и пресечение несанкционированной добычи золота. От нас ещё, конечно, прилично до побережья, но оттуда активно лезут всякие джунгары, корейцы, японцы и даже благонадёжные друзья — китайцы. Заходят вглубь, находят место, моют сезон и перед зимой обычно сваливают. Но последние годы техника так подтянулась, что позволяет даже шестидесятиградусные морозы пережить в горах. В прошлом году рейд нашёл пару оборудованных пещер, но пустых. Их тоже заходим проверять регулярно. Сейчас ребята уже на обратном пути — заглянут.

Майор докурил и встал со скамейки навстречу взводу пилотов, потянувшемуся из ангара.

Пока взвод строился, я осмотрел новых подчинённых, уже переодевшихся в сине-серые пилотские комбинезоны и успевших оттереть смазку. Четыре на четыре. Поровну мужчин и женщин, всем около тридцати. Подтянутые фигуры, загорелые лица — присмотревшись, я бы даже сказал, загрубевшие и обветренные. Спокойные и немного отстранённо-выжидательные.

Коротко доведя до личного состава, что взвод переходит в моё подчинение, майор сдержанно добавил:

— Старший сержант Вихров, выпускник ВКУ ВКС им. Гагарина, участвовал в боевых действиях, на его счёту два «Сафа». Вам скоро на новую технику пересаживаться, его опыт пригодится. Надеюсь, сработаетесь.

Я не стал затягивать, распустил взвод и подозвал сержанта Копейкину, отметив про себя, что до обеда осталось не так много времени.

— Сержант Копейкина, как давно командуете взводом?

— Год и три месяца, тов-стар-сержт! — оттарабанила девушка, вытягиваясь и стараясь не встречаться со мной глазами.

Я помолчал, подчёркивая паузой отсутствие поспешности, чтобы меня было невозможно заподозрить в неловкости, и как можно более взвешенно произнёс:

— Вольно! Пообщаемся без званий. Отпустите взвод на обед, позже мы их догоним, а мне покажите машины.

Девушка опустила плечи, развернулась к товарищам, которые с непринуждённым видом стояли в трёх шагах перед ангаром, хотя краем глаза всё равно следили за нашим разговором. Отпустив их на обед, она уверенно пошла вперёд, предлагая мне следовать за ней:

— Пойдёмте, товарищ старший сержант.

Осмотр техники много времени не занял: шесть «Витязей», «Стрелец» и «Воевода» — все первой серии. Останавливаясь перед каждым, сержант сжато сообщала об оснащении, доработках, последнем капитальном ремонте и текущем состоянии. Неожиданным оказалось, что относительная близость к Комсомольску-на-Амуре позволила два года назад провести техобслуживание машин на расположенном там заводе Минобороны по производству БРПК. В результате на «Стрельце» и «Воеводе» появились вполне современные сканеры, а «Витязи» получили ещё и более мощное вооружение.

— Ваш «Воевода»? — я указал на выкрашенную в горный камуфляж машину с разобранной правой ногой. Рядом возились три техника, тестируя миомерные приводы.

— Никак нет, работаю со «Стрельца», — она кивнула в сторону, откуда мы пришли. — Это машина бывшего командира взвода, старшего лейтенанта Плахова. Мы её выводили на тестовый прогон, но опорка опять отказала. Дойти-то дошли, но в манёврах подводит — запаздывает.

— У вас во взводе 8 человек, включая вас? Кто без машины тогда?

— Так точно. Ефрейтор Горчаков, его «Витязя» на замену двигателя отвезли в Комсомольск. До рейда обещали вернуть.

Я подошёл к техникам и, заглядывая через плечо одному из них, спросил:

— Есть идеи, в чём дело?

— Как проклятый какой-то! Настроим, выведем — возвращается опять с той же проблемой. На завод писали, всю телеметрию отсылали. Те прислали обновление, но не пролечило.

Говоривший распрямился, оказался ростом чуть ли не выше меня и протянул руку:

— Командир взвода ремонта вооружения и военной техники, капитан Шумоватый, Денис Ильич.

— Очень приятно, Денис Ильич, — я искренне пожал протянутую руку мужчине, которому на вид было за сорок, кивнул в сторону разобранного БРПК и представился: — Старший сержант Вихров. Сможем выгнать его сегодня на площадку? Пару кругов сделаю.

— Конечно, часам к четырём соберём, можно даже на полигон выгнать. До обеда хотели прозвонить дублирующий контур и переключить его как основной. Заодно и проверим. Только допуск оформите в штабе.

Расставшись у ангара с сержантом Копейкиной, которая вместе со взводом сразу направилась на обед, я зашёл в штаб, оформил допуск на «Воеводу», а заодно уточнил статус по «Витязю» Горчакова. По ведомости в штабном комме стоял статус: «В ремонте», «Планируется отгрузка в течение 3 рабочих дней». Сразу же запросил подменный фонд и с сожалением отметил, что тут особенно не разбежишься.

Мне предстояло сделать сразу несколько вещей, а времени на это почти не было. Приоритетом было оценить технику пилотирования и уровень подготовки пилотов при взаимодействии — сегодня, надеюсь, с этим разберусь. Не менее важной задачей было принять технику, но тут я чувствовал себя спокойнее — разгильдяйства я в ангаре не заметил. Подготовить взвод

к рейду — тут сложнее, мне не хватало информации, и этим тоже надо было заняться в первую очередь. Головной боли добавляло наличие спешенного пилота, а с тем, как я собирался гонять взвод, это было недопустимо. И седьмой патрон в барабане — наладить меха себе.

В конце концов, забронировав «Гренадера», которого недавно подготовили для отправки на капитальный ремонт и держали со снятым вооружением, а также оставив заявки на полигон и стрельбище, я с чувством выполненного долга спокойно направился в столовую.

По дороге я закинул свой вещмешок в казарму пилотов, которая мне очень напомнила наше курсантское общежитие. Пилоты так же размещались в кубриках по два человека, ну а мне, как комвзвода, выделили целую комнату на одного. Пока шёл, обратил внимание, что строем тут не ходят, но и шатающихся без дела или прогуливающихся в одиночку солдат тоже не заметил.

В офицерский зал решил даже не соваться, сразу наметив себе занять свободный столик в общей столовой и понаблюдать со стороны за обстановкой. Забив поднос на раздаче судками с большими и аппетитными порциями первого, второго и третьего, прошёл внутрь и без труда нашёл удобное место, откуда мог видеть весь зал и своих бойцов.

Пилоты вперемешку сидели в компании десантников, заняв столы в дальнем от раздачи углу. За столами было видно несколько пар, увлечённых разговором и не обращающих внимания на остальных. Но особенно привлекала внимание группа девушек, что-то активно обсуждавших между собой; среди них выделялась яркая блондинка атлетического сложения. Я специально не смотрел в их сторону, когда заходил, но не смог не заметить, как с моим появлением этот разговор ещё больше оживился.

Прикидывая, что можно сделать на вечерней тренировке, решил остановиться на базовом комплексе манёвров. Мне в первую очередь надо принять технику, а за этим делом и с мехводами разберёмся. Более сложные элементы пилотирования отработаем завтра на полигоне со стрельбищем. И ещё мне надо себе машину настроить, не пешком же за БРПК бегать и флажками сигналы подавать. Ну, с этим я сегодня надеялся разобраться. Была у меня пара идей, которые надо было с механиками проверить.

Эх, вот Инга бы точно разобралась на раз. Она есть не могла, пока подобную головоломку не решит, — грустно промелькнула мысль, но в душе будто светлячок пролетел.

С аппетитом доедая обед, я просматривал недельный план тренировок и занятий своего взвода, намечая, какие потребуются изменения. Шум отодвигаемых стульев прервал мои размышления: из-за своих столов разом поднялись все пилоты и десантники. По какой-то причине их маршрут на выход был проложен аккурат мимо моего столика. Занеся подносы, они все вместе пошли по моему проходу в сторону выхода, а впереди я увидел сержанта Копейкину в сопровождении статного красавца с аккуратными усиками и волевым лицом. Еле уловимые арабские черты угадывались по миндалевидному разрезу глаз.

— Разрешите представиться: старший сержант Булан. Можно просто по имени — Тимур, — он протянул мне руку, остановившись в шаге от моего стола.

Проход был недостаточно широк, поэтому все остальные бойцы были вынуждены остановиться за ним и сержантом Копейкиной, стоявшей рядом.

Мне пришлось встать, представиться в ответ и пожать ему руку. В первом ряду за ним стояла та самая блондинка, обратившая на себя моё внимание за обедом уверенной манерой держаться в компании. Она, нисколько не смущаясь, с интересом разглядывала меня, как, впрочем, и все бойцы.

— Сегодня, во второй половине дня, с шестнадцати двух нолей у нас запланирована совместная тренировка по физической подготовке, — он позволил себе лёгкую улыбку в уголках губ, — но, видимо, вы внесёте изменения в график?

— Верно, надо провести приём техники.

Интересный товарищ: в его глазах отражалась незаурядная внутренняя сила и энергия, а скуластое лицо с широким лбом, густыми прямыми бровями и тонким носом с лёгкой горбинкой, когда он говорил, приобретало какое-то аристократическое выражение. Я глянул на наручные часы и обратился к сержанту Копейкиной:

— Сейчас 14:40, ведите взвод к ангарам. Готовьте машины, выгоним на площадку и проведём тестовый прогон базового комплекса. Если всё в норме и уложимся в два часа, присоединимся к старшему сержанту в 17:00.

Ох, чувствую, этот боец не просто так подошёл. Будет сегодня на площадке развлечение. Я доел, запил обед вкусным компотом и неторопливо пошёл к ангарам.

Техники ещё только собирались на обед, заканчивая настройку машин, и были рады нашему появлению. Безлошадному Горчакову уже выгнали лысого «Гренадера», и он возился внутри, активируя управление. Остальные пилоты тоже занимали места в пилотских ложементах.

— Ну, пробуйте, товарищ сержант, — крикнул Денис Ильич в открытый люк «Воеводы» и закрыл технический портал на корпусе. — Сейчас на дублирующем контуре пойдёт, в кабине стоит сканер, мы вроде закрепили, чтобы не мешал.

Я настраивал бортовую систему под себя, проходил идентификацию, тестировал модули и сразу заметил запаздывание сигнала от ходового шасси. Сигнал то пропадал, то терял мощность, что, естественно, при движении заставляло запаздывать правую или левую ногу, да ещё и с разными интервалами. Пришлось вспомнить занятия в училище и пойти на одну из наших курсантских уловок. Выкрутив два винта на щитке, я прокинул тонким оптоволоконным кабелем прямое соединение от своего комма к ходовой и командный модуль тоже перекоммутировал на него.

Там у меня хранилась вся наша библиотека курсантских макросов, с помощью которых подчас мы сдавали экзамены. Если бы кого-то из нас на этом поймали, то неудачнику грозило бы страшное наказание — вплоть до отчисления. Но на практике кто может залезть в закрытый БРПК на марше?! Сейчас это вспоминалось со смехом, но тогда такие уловки вывозили: позволяли задавать автономные векторы разнонаправленного движения и ведения огня, оставляя чуть больше времени на эффективное управление дронами.

Ровно в 15:00 я скомандовал выводить БРПК из ангара на построение и следом за бойцами аккуратно активировал ходовую. «Воеводу» непривычно сильно покачнуло, и мне стоило усилий вернуть машине равновесие. Не желая опозориться, я подключил ещё один вспомогательный контроллер, теперь уже на балансировку. Машина, должно быть, выглядела со стороны как шпагоглотатель, но это облегчило мне управление на первом этапе.

На канале взвода посыпались доклады о готовности, и я скинул бойцам карту маршрута и задачу. Моему взводу предстояло пройти пять контрольных точек по маршруту вокруг небольшого плато, на котором располагался наш военный городок. Часть трассы пролегала по холмистой местности в низине, а часть — по самому плато. Суть задачи заключалась в том, чтобы выдерживать заданную конфигурацию боевого построения в движении, а на подходе к следующей точке перестроиться и продолжить уже в новом ордере.

Предстояло пробежать два круга по пересечённой местности, при этом использовать манёвровые двигатели для подруливания и предотвращения потери равновесия было запрещено. Первый круг взвод бежал в составе восьми машин, а на втором я должен был присоединиться к ним, и конфигурация боевого порядка уже менялась, так как мы образовывали полноценный взвод из трёх звеньев по три БРПК.

Старые модели заметно отличались от наших, и дело было не только в отсутствии энергетических щитов, слабой герметизации и полном отсутствии дронов, что меня особенно удивило. Смущал рыскающий курс машин и отсутствие синхронизации секторов контроля при

движении в группе. Поначалу я даже не комментировал в канале, но потом решил дать пилотам шанс реабилитироваться и обратить их внимание на это нарушение до завершения забега.

— Взвод, стой! Зафиксировать позиции! Провести сверку углов расхождения секторов контроля.

Я остановил забег на третьей точке, и взвод замер в конфигурации «скат», используемой для атаки наземных укреплений пехоты противника. Результаты были посредственными: некоторые сектора перекрывались, а некоторые зияли прорехами по пятнадцать — двадцать градусов. Таких дырок было четыре, и пара поменьше.

— Ефрейтор Горчаков, ефрейтор Тиманина, ефрейтор Теплаков — два зазора менее пяти градусов. Результат — хорошо. Доложите порядок контроля секторов в движении и параметры датчиков синхронизации дружественных целей.

Пока я гонял личный состав по инструкции управления и настройкам датчиков, с гор налетела туча и нас залило проливным дождём. К счастью, дождь был столь же коротким, как и яростным. Склоны стали немилосердно скользкими, что добавило мне напряжения. Я видел частые срабатывания контроллеров, подхватывавших мою машину: для нормальной координации ей явно не хватало сигналов управляющего контура моих пилотских датчиков. Последним делом было бы навернуться сейчас перед всеми. Такое мгновенно разойдётся анекдотом по всей части, и спокойной службы после этого мне здесь не видать.

На четвёртом и пятом этапе я сгенерировал несколько учебных угроз по маршруту, отслеживая готовность бойцов и скорость мобилизации средств контроля пространства.

После 15-минутного разбора полётов мы вышли на второй круг. Я намеренно не распекал пилотов с худшими показателями, а, наоборот, заставлял отчитываться о своих действиях тех, кто показал лучший результат. Встать я решил в звено с Горчаковым и Тиманиной. Сергею было труднее всех — так же, как и мне, ему приходилось осваиваться на непривычной машине, которая даже в «лысом» варианте была немного тяжелее «Витязя». Но он весьма достойно справлялся. Екатерина была немногословна и чётко реагировала на команды, сохраняя концентрацию на задаче. Сержант Копейкина тоже заслужила положительный отзыв за грамотный контроль верхней полусферы, но похвалил я её сдержанно: посмотрим, как на втором круге она распределит приоритет угроз.

Теперь тактический модуль выдавал по несколько угроз на каждый отрезок пути. Если неконтролируемые сектора взвода пересекались с сектором атаки учебной угрозы, БРПК автоматически маркировался как получивший урон. Мы играли против ИИ моего личного комма. Этот сценарий был готов после первого круга, когда мы с искином срисовали местность.

К сожалению, результаты были неутешительными. Видимо, тихая патрульная жизнь отучила пилотов от активного противодействия противнику. На финальном построении телеметрия бойцов показывала крайнее возбуждение, что меня позабавило. Разослав каждому личный протокол, я поставил задачу сегодня в свободное время после ужина провести анализ ошибок. Завтра мы начнём тренировку с их обсуждения. После этого мехводы, прогнав свои БРПК через мойку на технических воротах, запарковались в ангаре.

***

Мы переоделись в тёплые спортивные костюмы, что было совсем не лишним. К вечеру заметно похолодало, да и с гор, следом за дождём, начало тянуть ледяным ветерком, хотя днём погода выдавала чуть ли не все тридцать градусов с плюсом. Попросив Дениса Ильича предупредить по смене, что вернусь после ужина покопаться в «Воеводе», повёл взвод на физподготовку.

Выбегая от ангара, я краем уха услышал за спиной обмен фразами, но пока не смог по голосу определить говоривших:

— Совсем охренел в атаке. На хера нас так гонять, с кем он тут воевать собрался?

— Молодой, блин, вот послал Бог нам на голову. Самоутверждается как может.

С небольшим опозданием к намеченному времени мы вбежали на спортивную площадку. Здесь тоже прошёл дождь — там и сям виднелись лужи. На площадке тренировались несколько взводов десантников и третий взвод пилотов — наши будущие напарники по патрулю. Они отрабатывали спарринг с десантниками, что сразу напомнило мне годы в училище.

Космодесов тренировали двадцать четыре на семь по программе усиленной физической подготовки, развивая не только силу, но и скорость, реакцию и выносливость. Нам, пусть и не совсем обычным пилотам, было тяжело на спаррингах с ними. Против десантника в рукопашке оставалось только бить по болевым точкам, надеясь обездвижить соперника или хотя бы снизить его функциональность. Конечно, мы старались только обозначать удар, но на бешеных скоростях это удавалось не всегда. Усиленный тренировками мышечный корсет соперников позволял не слишком стесняться в силе ударов. И всё равно атаки часто бывали для них очень болезненными, так что мы старались не злоупотреблять.

С нашим появлением тренировка десантников первого взвода прекратилась. К рассредоточившимся по площадке пилотам моего взвода привычно подошли товарищи, образовали индивидуальные пары и без раскачки начали разминку. Я огляделся и нисколько не удивился, увидев подходящего ко мне Тимура. На его лице расцветало выражение восточной доброжелательности и гостеприимства. Ты явно здесь себя чувствуешь хозяином. Что-то мне приготовил? Собрался меня потренировать? Ну, мне-то ни тренер, ни наставник не нужен. И я с взаимным радушием ответил на его приветствие.

— Давай разомнёмся и поспаррингуем, не против? — достаточно нейтральным тоном предложил Тимур.

— Отличная идея, только разомнусь сам. Дай мне пятнадцать минут.

Его невыразительный тон не усыпил моей бдительности. Почти наверняка использует тренировочный бой, чтобы уронить мой и так ещё не устоявшийся авторитет. Неясно только, что это — желание альфача самоутверждаться при каждом удобном случае или что-то личное? Но с чего бы вдруг? Тут не зона — под себя подминать, да и на старшего он не тянет.

Я сместился на край площадки и сделал разминочный комплекс, поднимая пульс до рабочей частоты. Пока разогревался, наблюдал за площадкой. Все бойцы были в тёмно-синих спортивных костюмах с эмблемой ВКС, а на спинах у них вышиты имя и фамилия. Довольно быстро я узнал имена всех бойцов взвода Тимура. Сам он подошёл к паре, в которой стояли Елизавета Скворцова и Мария Копейкина, и расслабленно с ними переговаривался, глядя на неторопливый обмен аккуратными ударами.

Мой взгляд невольно задержался на энергично двигавшейся блондинке, чья статная фигура выглядела удивительно гармонично. Она сказала что-то смешное, явно в мой адрес, отчего Мария повернулась в мою сторону, за что и была мгновенно наказана быстрой подсечкой под смех соперницы. Мария даже не коснулась земли, как Тимур стремительно подхватил её и тут же бережно поставил на ноги. Он бросил короткую злую фразу блондинке, ответившей ему смехом, и отошёл к другой паре. По взгляду, с которым его проводила Мария, любой бы догадался, что их связывает что-то большее, чем дружба. Тут, наверное, и ответ на мой вопрос, чего мне ждать в спарринге.

Закончив разминку, я вернулся в центр площадки, где меня уже ждал Тимур. Мы скинули куртки, но Тимур стянул и майку, демонстрируя рельефные мышцы, и небрежно кинул её на край ближайших брусьев. Он явно готовился проучить зелёного юнца, подвинувшего с командной должности его женщину. Решив, что майку стирать в первый день лень, я тоже бросил её на другой край брусьев. Замотав бинтами руки, мы, не торопясь, разошлись по свободному пятну между спортивными снарядами — площадке метров пять на пять.

— Давай начнём. — Тимур сделал пару шагов к центру и приглашающе согнул ладонь поднятой в стойке левой руки.

— Начнём, помолясь. — Я усмехнулся, чуть согнулся и сделал напружиненный шаг к сопернику.

Первую атаку я ожидал и принял двоечку на блок предплечьями, которые сразу обожгло болью. Вторая атака прошла в том же ритме — джеб, а следом лоу-кик в голень. Отклонившись, я успел подставить блок ребром берца, гася силу удара, и увидел, как лицо соперника слегка скривилось от боли.

Тимур действовал в стиле смешанных единоборств, и в отработанных комбо чувствовалась школа бойца ММА. У нас в армии такому не учат: быстрые связки рук, резкие смены уровня. Инициатива сразу ушла к нему, а я лишь присматривался, надеясь поймать момент для контратаки. Мне надо было понять, как замыслил этот бой соперник.

Поймать его на контратаке мне было мало, точнее, слишком много. Я был уверен: одна моя полноценная контратака и — бой закончен. Но если действовать осторожно, от случая к случаю, — проиграю по очкам. Впрочем, титул гарнизонного чемпиона меня не волновал. И уж точно не собирался допустить, чтобы за мной закрепилась репутация новичка, из которого можно сделать мальчика для битья.

Атаки ускорились. Тимур взвинчивал темп, не теряя дыхания, — видно, что тренировался годами. Его комбинации были отточены: джеб — кросс, смена уровня, подсечка. Я пытался отвечать короткими контратаками, но он отбивал их с лёгкостью, будто заранее знал мои ходы. Когда он начал активнее подключать ноги, мне удалось поставить пару жёстких блоков, но пока мои успехи этим ограничились.

Постепенно я начал чувствовать, что реакции замедляются. Блоки запаздывали на доли секунды — и вот уже ссадины на виске и скуле, руки и предплечья гудели от жёстких попаданий. По выносливости было нормально — я ещё не задышал, но прессинг ударов Тимура грозил отсушить мышцы.

Пропустив скользящий хук в голову сквозь блок, я на миг увидел возможность для контратаки. Но тут же уловил движение его бедра — он пробивал фронт-кик. Я резко опустил руки, прижал предплечья к груди, сведя локти, чтобы создать жёсткую защиту. Удар пришёлся точно в центр — Тимур выстрелил прямой ногой мне в грудь.

Я отлетел, проскользил спиной по каменной крошке площадки и чудом разминулся головой со стойкой турника, оказавшись за пределами нашего условного круга.

Откатившись, я вскочил на ноги. Спина горела, руки поднимались с трудом, голова гудела. В ушах шумело, будто толпа ревела вокруг, хотя нас окружала тишина замерших по кругу бойцов. Боль накатывала волнами, но двигаться я мог.

Тимур не спешил приближаться. Он занял центр площадки, слегка покачиваясь на носках, — ждал, пока я сделаю следующий ход. Его взгляд был холодным, расчётливым. Я вдруг понял: он не просто проверяет мои навыки. Он хочет показать, что я здесь чужой.

Боли — нет! Я глубоко вдохнул, сбрасывая туман в голове. Вежливость закончилась.

Тимур, не отрывая опорной ноги, скользящим подшагом метнулся ко мне. Я уклонился от джеба и, используя инерцию его замаха, резко подбил его опорную ногу своим берцем. Он потерял равновесие, и в этот миг я рванул вперёд.

Короткий шаг в сторону — увёл удар предплечьем, и резкий апперкот в челюсть. Хрустнуло глухо, и его взгляд поплыл.

Подхватил его за ворот — он уже был «пустой». Резко развернул и, используя его же инерцию, бросил через бедро. Тимур тяжело рухнул на землю, на мгновение застыв.

Я отступил на шаг, тяжело дыша. Бой был окончен.

Сквозь моё тяжёлое дыхание и шум в ушах до меня донеслась команда:

— Старший сержант Вихров, смирно!

Я, с трудом фокусируясь на окружающем, обвёл взглядом солдат, различая лишь белые пятна на месте лиц, и повернулся, как мне показалось, по направлению к голосу, отдающему команды.

— Старший сержант Вихров! Ко мне! — я увидел на краю спортивной площадки седого офицера в сопровождении дежурного наряда. Пока я делал первые три шага, мир начал возвращаться в нормальное состояние, и мне удалось узнать капитана Поддубного. — Доложите, что происходит!

Вытянулся по стойке смирно как мог, постаравшись преодолеть боль, сковывающую всё тело, и доложил:

— Проводим совместное занятие по физической подготовке в соответствии с расписанием.

— Что произошло со старшим сержантом Буланом? — капитан строго посмотрел на меня, но неожиданно в его глазах я увидел смешинку, тем более что сзади, к моему облегчению, послышалось кряхтение и что-то невнятное, напоминающее забористый вздох с восточным колоритом. Ожидая ответа от меня, капитан кивнул рядовому из наряда на пытающегося подняться на локти Тимура. — Экспресс-диагностика.

— Демонстрировали подчинённым приёмы контрдиверсионной борьбы. — Я вытягивался, стараясь игнорировать судорогу, простреливщую ногу, и не раскачиваться. Солдат за моей спиной установил аптечку на грудь сержанта.

— Вольно. Приведите себя в порядок, — уже более спокойным тоном отпустил меня капитан, получив от дежурного положительные показания диагноста. И без злобы, скорее иронично, бросил мне в спину: — А что, у вас в столицах так принято знакомиться с новым коллективом?

— Только если пилотов отправляют летать не по назначению. — Я повернулся и рассмеялся. За спиной услышал смешки бойцов. Там все как-то разом отмерли и начали вполголоса обсуждать поединок.

Глава 2

Я шагнул к Тимуру, чтобы помочь ему подняться, но меня опередила Эльвира Шарапова. Имя было написано на спортивной куртке. Судя по рельефной фигуре и упругим формам, десантница. Она заботливо подсела, приподняла Тимура и прислонила его к своей груди. Уверен, многие в этот момент мечтали бы оказаться на его месте. Девушка заглянула ему в глаза и облегчённо выдохнула:

— Сотрясения нет, зрачки в норме.

Немного запоздав и ощутимо столкнувшись плечом с Эльвирой, к Тимуру метнулась Мария, окончательно утвердив меня в правильности моих догадок. Она нежно подхватила Тимура и постаралась слегка оттеснить Эльвиру. «Эх, как тут девки пляшут, по четыре ровно в ряд», — ухмыльнулся я про себя, протягивая Тимуру руку. Он покрутил головой, поморщился, резким движением надавил ладонью сбоку на челюсть и прохрустел шеей. После чего ухватился за мою руку и упруго поднялся.

— Ну, что вы за люди такие, русские, — он широко и доброжелательно улыбался, — ни в чём меры не знаете. Так бы и сказал, что драться не умеешь.

— Ну, слава Богу! Цел! — в таком же шутливом тоне ответил я, приняв его игру. И с сожалением развёл руками, а потом дружески хлопнул по плечу: — Нас ведь и правда драться не учили. Только убивать. Но, может, благодаря тебе научусь. Прости, если что не так.

— Без обид, всё было чётко!

Покручивая шеей, Тимур мягко снял руку Эльвиры и, приобняв, поблагодарил её:

— Спасибо, Эля. Вон, сержанту воды дайте.

Пока Тимур отошёл к своим вещам и подставил спину сержанту Копейкиной, та водой из фляги обмывала ему ссадины, смывая налипшую каменную крошку. Я тоже подошёл к своим вещам и глянул на часы. До ужина оставалось не так много времени, но бойцы успевали принять душ и переодеться.

— Первый взвод, занятия окончены. Свободное время до ужина. Всем привести себя в порядок.

Я повернулся к своим, выбрал глазами Горчакова.

— Ефрейтор Горчаков, ведите взвод.

Я заметил, как слегка напряглись плечи сержанта Копейкиной, но намеренно это проигнорировал, предоставляя ей самой выпутываться из ситуации. Когда взвод лёгким бегом покинул спортивную площадку, я повернулся к своим вещам, намереваясь майкой смахнуть с саднящей спины грязь, и тут же почувствовал, как по спине потекли струйки воды, а чья-то заботливая рука аккуратно начала смывать сукровицу, смешавшуюся с налипшей землёй и каменной крошкой.

— Разрешите, помогу, товарищ старший сержант, — обворожительно низким и мягким голосом сказала та самая эффектная блондинка, что привлекла моё внимание ещё за обедом. — Не напрягайтесь, расслабьтесь, будет не так больно.

Одну руку она удерживала на моём плече, оставаясь сбоку, и каждый раз, когда старалась дотянуться до другого, нечаянно прижималась ко мне грудью, недвусмысленно намереваясь вывести меня из равновесия. Я даже не успел ничего ей сказать, как тут в дело вмешалась третья сила.

— Ой, боженьки, — моя непрошенная помощница взвизгнула, подскочила на месте и, вместо того чтобы отскочить, наоборот, прижалась к моей спине, вызвав резкую боль в ссадинах. — Откуда здесь это?!

На мою куртку, висевшую на брусьях, вскарабкалась Перчинка и, демонстрируя острые зубки, громко застрекотала, вслед за Скворцовой привлекая к нам внимание. Я протянул ей

руку, стараясь успокоить, но она, воспользовавшись этим, мягко перебежала мне на плечо и уселась, поглядывая на всех за моей спиной. Я снял питомца, погладил меж ушей, успокаивая, и усадил обратно на куртку.

— Ой, какая прелесть! Саша, это твой зверёк? Я поражена! — выпалила на одном дыхании Елизавета, нисколько не заморачиваясь на устав и субординацию.

И откуда только моё имя узнала, хотя это-то как раз понятно. Она бросила мою многострадальную спину и потянулась к горностаю.

— Можно, я поглажу? Ой, какая милота!

— Я бы не советовал, — воспользовавшись паузой, я натянул майку, но предупреждение запоздало. — Всё-таки дикий зверь.

— Ой! Ой-ой-ой! — Скворцова засунула укушенный палец в рот и почему-то начала прыгать на одной ножке, ничем не отличаясь от какой-нибудь пятиклассницы. — Жа фто так?

Под шуточки и смешки сослуживцев она страдальчески уставилась на Тимура.

— Ну вот, Лизок, теперь ты просто обязана явиться в медсанчасть вместе с товарищем старшим сержантом, — раздалось из-за спин её товарищей, так что я тоже не смог разглядеть говорившего. — Вдруг тебе уколы от бешенства теперь надо делать?

— Тимур, товарищ старший сержант, разрешите сопроводить меня, мне… — она запуталась, но потом, вооружившись наглостью, выпалила: — Разрешите сержанту Скворцовой сопроводить старшего сержанта Вихрова в медчасть в паре с вами, а вам сопроводить меня в паре со старшим сержантом Вихровым.

Смех не утихал, я даже уловил обрывки фраз на тему, что неприступный секс-символ части сдаёт позиции, но в наглости ей действительно не откажешь. Мне такая вольница была очень непривычна, но меня окружали взрослые люди, старше меня, и насаждать здесь свои порядки явно не стоило, если я не хотел оказаться в дураках.

Обменявшись с Тимуром взглядами, без лишних слов мы отбросили всякие формальности и вместе дошли до медпункта. Я набросил куртку, чем сразу воспользовалась Перчинка, угнездившись на плече. Мне показалось, что ей приятно внимание новых знакомых. Раненная в палец Лиза продолжала хромать, наваливаясь на мою руку, и всю дорогу заваливала меня вопросами про питомца, однако больше не рисковала её гладить.

В медчасть нас со зверьком, естественно, не пустили, и я ссадил пассажира перед входом. Сочтя, что свою миссию она выполнила, Перчинка прокурлыкала что-то ободряющее, крутанула хвостом и была такова.

На ужин мы пришли прямо из медчасти, где фельдшер обработал наши ссадины и посмеялся над историей Лизы, явно очарованный её непосредственностью и женской энергией, которую она щедро распространяла вокруг. За общий стол, где уже расположились бойцы обоих взводов, мы тоже сели вчетвером. Поначалу меня напрягала возникшая двусмысленность, но я решительно не видел, как можно уклониться, не прослыв занудой или стеснительным малолеткой. Пришлось выкручиваться по ходу и терпеть многозначительные взгляды, которыми перебрасывались подчинённые.

Надо отдать должное Лизе. Она села рядом, заодно освободив место для всех нас, но за едой общалась исключительно с Элей и другими ребятами, никак не проявляя интереса ко мне и даже не участвуя в разговоре про Перчинку. А разговор про горностая неизбежно возник, и меня весь вечер забрасывали вопросами о жизни питомца.

— Часто доводилось в патрулях бывать? — пользуясь неформальным общением, я решил сместить акцент беседы и обратился к сидящему напротив Денису Теплакову, одному из пилотов «Витязей» в моём взводе. — Далеко ходить приходится?

— Почти до Авлаякана ходим. Дней 20 туда и столько же обратно.

Денис, на веснушчатом лице которого всегда присутствовало озорное выражение, потрепал свой рыжий ёжик волос.

— Вы в горах бывали, товарищ старший лейтенант?

— Бывал. На Кавказе. У нас проходил экзаменационный марш-бросок на Баксане, красиво, конечно, но очень скользко. — Я усмехнулся, вспоминая, сколько потов с нас там сошло, и поправил его оговорку. — Только не лейтенант, а старший сержант, боец!

— Виноват. Простите, просто сразу видно — не солдатского вы корня, вот и сбился.

Не знаю, чего он рассчитывал добиться своей прямотой, но светящиеся лукавством добрые глаза не позволяли заподозрить в плохом умысле. Скорее он так завуалировал вопрос о том, какими судьбами я тут очутился. К разговору стали прислушиваться сидевшие рядом десантники и мехводы. Надо было что-то отвечать, но я всё же предпочёл проигнорировать.

— И где труднее всего на маршруте? Там, поди, тишь да благодать — ни одной живой души? Или есть поселения?

Рано пока для личных откровений, и я постарался удержать разговор в нужном мне русле.

— Рельеф там сложный, расселины, ущелья, по маршруту всегда много курумов. Приходится эти кучи камней обходить, но зато в межгорных долинах бывает уютно — можно и бивак разбить на день-два, пока окрестности обследуем.

Со знанием дела подключился Леонид Карпов, ещё один пилот «Витязя», который, по моим наблюдениям, чаще всего держался за спиной бывшего комвзвода Копейкиной.

— Обычно поднимаемся по руслам рек до озера Большое Токо и там, у Худуркана, поворачиваем на восток, в горы. Третий взвод севернее забирает, а мы южнее обходим. Самое трудное у Большого Тыркана начинается. И узко, и ручьёв с речушками много. А нам как раз надо по вершинам к станциям наблюдения лазить.

— Как машины себя ведут, вытягиваете рельеф? — я повернулся к Марии Копейкиной, которая переключила на нас внимание, когда заговорил Карпов. — Слышал, были поломки, даже эвакуировать приходилось? И, кстати, предлагаю за столом без званий, ко мне можно просто по имени обращаться.

— Да, бывает ломаемся, но самим чиниться приходится. Дронами запчасти закидывают и лишнее вывозят. И при прочих равных, думаю, что не очень удачная идея на новые машины пересаживаться перед рейдом.

Озабоченно ответила Мария, но тут же широко улыбнулась, показывая ямочки на щеках, и представила сидевшего с краю стола невысокого, но атлетично сложенного пилота. Его смуглая кожа, тёмные волосы и карие глаза с монгольским разрезом без труда позволяли признать в нём уроженца казахских степей, даже и не зная имени.

— Это Жаслан, наши золотые руки. Как считаешь, пройдём без поломок в этот сезон? Или всё же лучше на новой технике?

— Поломки были, есть и будут, — философски изрёк он, немного отодвинув поднос с пустыми тарелками, — но старые машины привычные, а новые ещё обкатывать и обкатывать. Ну, как что случится в горах? По руководству не починишь. Если грохнешься со склона, то взысканий не оберёшься.

Выяснив общее настроение бойцов, я окончательно убедился, что к рейду надо серьёзно готовиться. Перепроверить всё с техниками, продумать маршрут, детально разобраться с возможностями техподдержки и снабжения на точках. Да и вообще вникнуть, как у них здесь всё это устроено.

После ужина я оставил взвод в казарме заниматься домашним заданием. Всем надо было подготовить к утреннему построению анализ ошибок по протоколу сегодняшнего забега. Сам я отправился в ангары доводить до ума «Воеводу».

В итоге к полуночи я прошунтировал все участки основной и дублирующих сетей и получил подробную базу тестовых показателей по взаимодействию модулей опорно-двигательной системы своего боевого меха. Получалась занятная картинка. На подъёме, словно нащупав

решение задачи, я вывел тихонечко на внешние динамики меха подходящую тему и углубился в коды, подпевая себе под нос:

— Если я заменю батарейки…

Эта музыка будет вечной…

На мою дискотеку, спустя минут пятнадцать, залетел в распахнутые двери ангара охранный дрон. Завис надо мной и, идентифицировав, мигнул зелёным огоньком и улетел. Вот засранцы на центральной охране — спят уже наверняка. За четыре часа, что я тут вожусь, могли меня рассмотреть со всех сторон, но как только на пульт перестал поступать подтверждающий сигнал от дежурного, активировался протокол автоматической охраны. «Кто-то завтра получит на орехи», — усмехнулся я про себя, запуская свеженаписанный отладчик.

Результат меня ошарашил. Кто-то очень умелый доработал платы распределённых узлов управления опорно-двигательной системы, явно добавив в цепь специальный декодер. Теперь, когда его в цепи не было, модуляция командных импульсов искажалась и выглядела как хаотичный набор сигналов, вызывая неадекватные реакции шасси. Чтобы восстановить нормальную передачу командных импульсов, мне предстояло либо заменить все управляющие интегральные микросхемы, либо разобраться с алгоритмом декодера и состряпать такой же на коленке.

Зачем такое вытворять? У меня родилось по меньшей мере два предположения, но внести ясность мог только анализ всех протоколов телеметрии хотя бы за сегодня. Ещё желательно было посмотреть на телеметрию ходовой под управлением предыдущих пилотов для сравнения.

Когда я уже начал ощущать необоримое желание вздремнуть, мой комм пикнул, оповещая, что анализ завершён. Результат неоспоримо показывал, что проблемы начались после смены пилота, когда уволился старший лейтенант Плахов. Искин предложил разработать скрипт декодера, который вполне мог компенсировать искажения сигналов и обеспечить стабильный ход машины без замены плат. Так что, разобрав систему подвесных шунтов и закрепив панели обратно, я, вполне удовлетворённый проделанной работой, отправился в кубрик доспать оставшиеся три часа до подъёма. Хоть разбуженные посреди ночи техники и бурчали недовольно, когда я сдавал им ангар, они уважительно покивали и обещали утром передать Денису Ильичу, что решение найдено.

На улице уже сгустились предрассветные сумерки, и на востоке ярко горела Венера, предвосхищая скорый восход Солнца. Мой взгляд приковался к утренней звезде, и неожиданно вспомнилась внучка шамана, её смех и зазывный танец. Я стряхнул наваждение. Да, спать осталось совсем немного — не буду терять времени. Перчинка ждала меня перед входом в кубрик, положив голову на лапу, которой придавливала мышь. Сил выгонять её с такой добычей не было, и я рухнул на кровать, с удовлетворением ощутив, что содранная спина почти полностью зажила и уже не беспокоит.

Сон и завтрак слились в одно действие, но крепкий кофе, которым из личных запасов Дениса Ильича меня угостили техники, вернул меня в реальность. Пока взвод строился и готовился к выдвижению на полигон, я прошёл круг по площадке перед ангарами, демонстрируя начальнику службы ремонта устойчивость и чёткий отклик ходовой системы «Воеводы».

Сам был удивлён. Конечно, это не ремонт в прямом смысле, а всего лишь заплатка, и мне ещё предстояло понять причину возникновения этой переделки. Что это — хитроумная сигнализация, не позволяющая без владельца декодера полноценно управлять мехом? Что заставило лейтенанта Плахова доработать генерацию импульсов? Над этой задачей в фоновом режиме трудился искин моего комма, пытаясь найти корреляции. Проблема была в том, что мы не

знали области поиска и поэтому лопатили вслепую, так что на скорое озарение надеяться не приходилось.

Разбор полётов, тренировка, приём пищи — в этом круге пролетел день. Так начиналась армейская рутина. Завтра состоится совещание в штабе, где будут обсуждаться задачи нашего рейда, и мне предстоит погрузиться в подготовку. Пока же я забежал познакомиться с замом по тылу, суровым и неулыбчивым майором Свидригайло. Получил ведомости на свой комм для ревизии имущества взвода и был выпровожен со строгим приказом пересчитать все пуговицы на парадных кителях.

К концу первого полноценного дня я был выжат как лимон. Мир сузился до сейчас и здесь, и перед сном я с удивлением отметил в голове отсутствие каких бы то ни было мыслей вообще. Куда там медитации — армия рулит! Не успел я задремать, как раздался тихий аккуратный стук, и кто-то уверенно потянул ручку закрытой на замок двери. Пришлось вставать и открывать.

К такому меня жизнь не готовила! Тёмной тенью в комнату скользнула мощная, как волна цунами, фигура, закутанная в плащ-палатку. Дверь была мгновенно, без единого скрипа, притворена и закрыта на замок. Фигура прижалась спиной к стене, оставаясь в шаге от меня, и из-под капюшона влажно блеснули голубые глаза в обрамлении белых от лунного света кудрей. Насладившись моим оцепенением, Лиза подняла руки, отпустила старательно запахнутые полы плаща и скинула капюшон. Плащ слегка распахнулся, но я даже не позволил себе опустить взгляд, опасаясь увидеть то, что нарисовало моё воображение. «Это залёт, курсант!»

Не произнося ни слова, валькирия обхватила меня за голову и притянула к себе в горячем поцелуе, прижимаясь всем телом. Сквозь пламя, охватившее меня, в мозгу билась только одна мысль: «Нельзя»! Но и представить, во что выльется обида Лизы, если я её оттолкну, я тоже не мог. Этого допускать было нельзя. Больше всего я хотел, чтобы сейчас прозвучал сигнал боевой тревоги! Я сопротивлялся желанию как мог и ещё держался, ограничиваясь ответным поцелуем, но понимал, что при любом исходе это уже утром станет достоянием всей части. Охренеть, если подумать. Заходи кто хочешь и делай что хочешь. Хорош командир.

— Не волнуйся, никто ничего не узнает. Я так долго тебя ждала! Ты мне сразу понравился! — с лёгкой хрипотцой в голосе прошептала Лиза и, уже не стесняясь, хозяйничала по всему моему телу, да и я отвечал взаимностью.

На открытое окно за моей спиной вскочила Перчинка и тревожно взвизгнула. Я резко повернулся к окну, оставляя растрёпанную блондинку за спиной, и сквозь колыхнувшиеся от ветра занавески увидел, как по газону подбегают три тёмные фигуры, по габаритам точно принадлежащие десантникам. Первый этаж наших казарм, он же единственный, позволял без всяких усилий заглянуть в окно, расположенное чуть выше уровня пояса. Резким толчком правой руки за спиной я отправил гостью в тёмный угол за шкаф для одежды, а сам шагнул к окну, максимально сощурив левый глаз и полностью закрыв правый. Мощный луч прожектора, который в сумерках вырисовывался чёрным кубом в руках первого бегущего, залил всё помещение под злорадный смех одного из нападавших:

— Здесь она, точно! Ну, теперь ты больше не сможешь мне задницей перед носом крутить, узнаешь настоящего мужика!

Настрой визитёров не оставлял ни сомнений, ни выбора.

Использовав несколько шагов до окна для разбега, я сгруппировался и выпрыгнул, целясь ногой в источник света. Прожектор отлетел и погас со звоном разбитого стекла. Приземлившись между противниками, я сразу пошёл в атаку — под град встречных ещё беспорядочных ударов.

Секундной задержки мне всё равно не хватило, но я успел пробить в пах ближайшему, по инерции долетел до бежавшего сзади и врезал ребром ладони в кадык. Следующим движением попал ему в нос и продавил корпусом, заставив упасть на спину, да и сам кувырнулся вперёд,

получив вдогонку серию ударов по почкам. Первый удар, как оказалось, тоже не попал куда надо, всего лишь в бедро, но удачно, и противник уже ковылял ко мне, припадая на отсушенную ногу.

С руки капала кровь, видимо, из разбитого носа противника. Принимая удары берцев на согнутые руки, я попытался сблизиться, когда неожиданно третий боец, остававшийся к этому моменту целым, схватился руками за голову и заорал благим матом. Даже в рассеянном лунном свете было видно, что его лицо залило чёрной кровью. Не задумываясь ни на миг о причинах, я впечатал босую ногу ему в колено и рубанул по шее, на полметра опережая не успевшего приблизиться хромого. Но тот, видя это, без замаха метнул десантный нож. Ногу обожгло огнём, и она подломилась, предательски роняя меня под ноги противнику. Запинать меня он не успел. По команде он застыл на месте и вытянул руки вверх, когда над нами завис дежурный дрон, залив место сражения светом прожекторов и завывая сиреной.

— Второй раз за два дня. Старший сержант Вихров, вы там в Москве совсем с ума посходили? Западных боевиков обсмотрелись?

Капитан Поддубный, прибывший к нашим казармам, даже не дал никому приблизиться и резко скомандовал любопытствующим задраить окна и не высовываться. Везде сразу погас загоревшийся было свет, и я заметил, как в последний момент в закрывающуюся щель моего окна юркнула Перчинка. Солдаты дежурного наряда было сунулись нам помочь с перевязкой, но тут появился заспанный главврач части, майор медицинских войск Касторкин, и решительно взял процесс в свои руки.

Первым делом он осмотрел лицо десантника, залитого кровью, и быстро привёл его в порядок. Затем он подошёл ко мне, смыл кровь, тут же затянул жгут на ноге и, набрав команду на комме, продолжил осматривать следы моих побоев. Благо, для этого мне даже раздеваться не надо было. Я сидел как ложился спать — в одних трусах, так что мне самому даже жгут наложить было не из чего. Когда подлетела гравиплатформа с носилками, он молча указал мне туда ложиться, закрепил блок автодока с диагностом на груди и пошёл дальше.

— Так, рядовой Константин Белов, рядовой Горячий, рядовой Тихий, — капитан Поддубный, постепенно закипая, прохаживался вокруг сидящих на земле десантников, заведя руки за спину. Те все как один поблескивали бритыми головами. — Ударники антисоциалистического поведения, так сказать, опять прославились. Недели не прошло, как из карцера!

Он подошёл ко мне, посмотрел на мой вид, ухмыльнулся и голосом, не подразумевающим никакого веселья, спросил:

— Почему на улице в неуставном виде?

— Не могу знать, товарищ капитан, — я даже лёжа вытянул руки вдоль тела, имитируя стойку смирно.

— Так, ты мне это брось! — он строго меня одёрнул, но продолжать расспрашивать не стал.

Потратив на просмотр записей с камер на своём комме минут пять и так и продолжая стоять надо мной, капитан буркнул себе под нос: «Шерше ля фем, етить колотить: растютить косматым хреном три колоды в подзабор, зловонючим звездозадом раззвездрючить на пробор. И без сала!»

Потом последовал малый боцманский загиб на три минуты, но уже в полный голос. На лысых головах моих недавних противников появилась гусиная кожа и капли пота, что даже меня впечатлило. Закончил капитан уже вполне нормальным голосом:

— Совсем охренели, павианы. Из спецназа ГРУ вылетели — ничего не поняли? А отсюда лететь некуда — рудники охранять пойдёте. Будете там Хозяйку Медной горы охмурять. В карцер!

— Егор Тимофеич, разрешите доставить пострадавшего к нам в санчасть, ножевое ранение надо обработать, — заметив, что капитан выдохся, спокойным голосом обратился к нему майор, но всё равно слегка вжал голову в плечи, когда тот обернулся в нашу сторону.

— Состояние… — капитан Поддубный замялся, ещё раз пристально осмотрев мои наливающиеся синяки и рану на ноге, явно выбирая мой статус между потерпевшим и арестованным, и наконец определился, — какое состояние потерпевшего?

— Удовлетворительное. Через час в казарму спать отправим, но надо обработать рану и гематомы, — майор отправил меня на носилках в санчасть, а сам продолжил заниматься сломанным носом последнего из нападавших.

Мои носилки встречала на крыльце помощница главврача Маргарита Павловна. Она сноровисто принялась за дело, привычными движениями обработав раны и ушибы. Действительно, минут через сорок в медкапсуле, куда она меня в итоге поместила, я уже вышел из медчасти на своих двоих, засунув ноги в больничные тапочки и закутавшись в одеяло.

До казармы я добрался минут за пять, изрядно продрогнув на ночном ветерке, несущем с гор студёный воздух никогда не прогревающихся ущелий. К своей двери я подходил на цыпочках, гадая, что меня там ждёт. Тихо щёлкнув замком, я вошёл и оказался в сплошной темноте. Лишь незастеленная постель белела пятном в углу у окна. Включив лампу над столом, я увидел умилительную картину: Елизавета, разметав волнистые волосы по моей подушке, спала на моей кровати под простыней, а на её груди клубочком свернулась и дремала Перчинка, прикрыв мордочку хвостом. Плащ-палатка валялась на стуле у стола.

Лиза мгновенно проснулась и пружиной вскочила, отчего Перчинка не удержалась и слетела с нагретого места, протестующе мявкнув в акробатическом кульбите. Вместе со зверьком слетела и простыня, а Лиза, не стесняясь откровенного вида, запрыгнула на меня, обнимая руками и ногами, так что я лишь успел заметить две маленькие капельки, проступившие на белой коже там, где зверёк её нечаянно поранил коготками.

— Алекс, ну наконец! Я так испугалась! — горячо выдохнула она мне в ухо и тут же упруго спрыгнула, сдёрнула моё одеяло и стала меня крутить, осматривая и ощупывая. — Цел! Ты мой герой!

Немедля она выключила свет и зарылась в мои объятья, стараясь согреть меня накопленным со сна теплом и увлекая за собой на кровать. Спустя время, когда мы лежали, стараясь унять бешено бьющиеся сердца, она поднялась с подушки, положила руки мне на плечи и, дотянувшись до моего уха, шепнула:

— Спасибо, Саша!

— Вариантов не было, Лиза! Позади Москва! — и я слегка хлопнул её по тому месту, за которое толкнул в тень угла за шкафом. — Ты хоть не засветилась, а то завтра и так пересудов будет на всю часть.

— Я не про это. Спасибо, что не выгнал, — она замолчала и положила голову мне на грудь. — Думаешь, я не понимаю? Я видела — ты хотел.

Отвечать мне теперь уже было нечего. Снявши голову — по волосам не плачут. Я погладил её волосы и было потянулся поцеловать, но, почувствовав это, она опередила меня и резко села рядом на колени. Обхватив ладонями мою голову, она согнулась мне навстречу, ища отражение света в глазах.

— Все думают, что нам, красивым девочкам, легко и весело живётся. Что у нас всегда полно ухажёров, а мы только и делаем, что их меняем и живём ни в чём себе не отказывая! — в её словах чувствовалось сильное переживание и застарелая боль. Голос её становился глуше и тише. — Это не так. Рядом крутятся одни идиоты, а нормальные парни даже не подходят, видимо, думают: «Что я рядом с такой красавицей буду делать? Меня же там затопчут. Она избалована и привыкла к другому вниманию». Думаешь, у меня было много парней? — она

требовательно на меня уставилась, но потом обмякла и спряталась у меня на плече. — Да ты вообще первый. С тех пор, как я по дурости на выпускном решила стать взрослой.

Расстались мы под утро. Лиза, смело закутавшись в свой плащ, смерила меня смешливым взглядом и, поцеловав в щёчку, строго приказала:

— Не вздумай влюбиться — я сама решаю, когда прихожу.

Только я закрыл глаза, как из динамиков в коридоре раздалась мелодия «Рассвет на Москве-реке» Мусоргского[1].

***

Офис уважаемого Ван Юаня располагался в пентхаусе башни «Золотое небо», второй по высоте на острове Русский, уступавшей соседнему небоскрёбу арабских шейхов лишь несколько десятков метров. Выше всех, в стороне от деловых кварталов, парила резиденция генерал-губернатора острова, опираясь гравитационным лифтом на форт Русских, расположенный на одноимённой горе.

Дэн Маклафлин, отерев платочком пот, вышел из турботакси у ворот в даун-таун, который русские называли китай-городом. Солнце ещё не достигло зенита, но уже было не по-утреннему жарким. Перемещение по воздуху над территорией даун-тауна, плотно застроенного высотками, разрешалось только по отдельным пропускам и на уровне не ниже сотого этажа. Дальше ему предстояло идти пешком. От входа в квартал до делового центра «Золотое небо» надо было пройти пару улиц, причём в гору.

Сегодняшнее поручение для такого адвоката, как он, профессионала с тридцатилетним стажем, выглядело почти до обидного простым. Если бы не одно «но»: меньше всего он хотел встречаться именно с этим человеком.

Как всегда, когда ему предстояло выполнить поручение уважаемой госпожи Эл, он нарядился в лучший костюм и тщательно уложил редеющие волосы вокруг лысины на макушке, выгодно подчёркивающей его высокий интеллектуальный лоб. О том, что это поручение госпожи Эл, он безошибочно понял по тому, что ему прислала сообщение с просьбой заглянуть тётушка Сяо, владевшая уличным кафе корейской кухни в припортовом районе бухты Островной. Её кафе славилось на весь остров нежным сундэ, и он с удовольствием оформил заказ с доставкой на дом двух порций кровяной колбасы, пока наслаждался сладкими матча-хотток из тонкого рисового теста. В подтверждение заказа ему вручили архаичную квитанцию в конверте. Внутри, по обыкновению, лежал конверт поменьше — с поручением и инструкциями.

Мистеру Маклафлину предстояло преодолеть сопротивление глупых девочек на ресепшн и добиться короткой, но обязательно личной встречи со всесильным дельцом. И для этого у него был аргумент, узнав о котором уважаемый Ван Юань не заставит его ждать. Он улыбнулся, наслаждаясь осознанием своей значимости, но это ощущение портило предвкушение унизительных препирательств с секретаршами на первом уровне, не способными думать за пределами инструкций и скрипта. Пятнадцать минут он добивался, чтобы эти курицы вызвали старшего смены, который пришёл сразу вместе с начальником поста охраны, и ещё минут десять провёл с ними, объясняя цель визита, повторяя на разный лад: «Мне нужно передать уважаемому Ван Юаню информацию, которую он ждёт».

Задача была нетривиальной. Имя мистера Маклафлина ничего не сказало бы Ван Юаню, а проходимцев, стремившихся попасть на приём к богатейшему человеку острова, всегда было хоть отбавляй — даже сейчас на диванах холла в ожидании сидело человек сорок. Когда начальник поста охраны уже был готов выставить его из здания, адвокат всё же решил при-

[1] Модест Петрович Мусоргский (1839–1881) — русский композитор. «Рассвет на Москве-реке» — симфоническое вступление к опере Модеста Петровича Мусоргского «Хованщина».

бегнуть к секретному оружию. Он привлёк внимание начальника охраны и, склонившись как можно ближе к нему, сказал:

— Очень прошу лично доложить уважаемому господину Ван Юаню, что в холле его приёма ожидает человек с очень важной информацией. И эта информация — имя. Имя, которое он ждёт.

Что-то в поведении просителя заставило начальника поста прислушаться, и он решился набрать личному секретарю босса, строгой Лиан. Изложив вопрос и подождав три минуты, он удивился, получив приказ проводить господина до лифтов, где его должна встретить личная охрана босса.

Ван Юань действительно ждал новой информации от таинственного нанимателя не первый день. Он сидел за широким столом в роскошном кабинете, который по последней моде был абсолютно пуст. Только за его спиной стояла небольшая декоративная ширма, которая когда-то принадлежала китайскому императору, как уверял аукционист. Она состояла из 64 фарфоровых панелей, украшенных изображениями даосских бессмертных — святых, олицетворяющих удачу и долголетие. Весь остальной интерьер скрывался за стенными панелями и в полу. За минуту кабинет мог преобразиться в сигарную комнату, где можно выпить дорогой коньяк и выкурить натуральную “Coiba”, сидя в глубоком кресле и любуясь закатом над океаном, или погреться у живого огня в камине. По желанию владельца помещение могло приобрести вид строгого зала, оборудованного по высшему уровню для комфортных переговоров или приёма официальной делегации.

Сейчас хозяин нетерпеливо наблюдал, как симпатичный юноша-андроид поливал цветы на причальной площадке перед окнами кабинета, а вдалеке синел бескрайний Тихий океан, скрываясь на горизонте в туманной белёсой дымке солнечного дня.

Ван Юань выполнил поручение и теперь нервничал, ожидая исполнения обещанной части сделки со стороны заказчика. Ни разу сценарий контакта с загадочным клиентом не повторился, да и деньги всегда переводили с разных счетов в разных банках и в разных валютах.

Когда посыльного завели в кабинет, охранник, повинуясь нетерпеливому жесту босса, выхватил конверт из руки Маклафлина и с поклоном протянул хозяину. Ван Юань жестом подозвал миниатюрную брюнетку, своего секретаря-андроида, и указал на конверт. Та безмолвно приняла его и, повинуясь беззвучному приказу, прошла за ширму, где аккуратно распечатала тонким лезвием для корреспонденции, выдвинувшимся из запястья. Выждав минуту и небрежно рассмотрев посланца, явно адвоката по внешнему виду и манерам, нервно потевшего в окружении охраны, господин Юань встал и присоединился к секретарю за императорской ширмой.

В его руках оказался листок бумаги, в центре которого было короткое послание. Гнев, злость, разочарование, жажда убить кого-нибудь разом нахлынули на него и на мгновение помутили сознание. Так его ещё никто не использовал.

Ещё прапрадед Ван Юаня начал тайный семейный бизнес, организовав нелегальный промысел по добыче золота в горах Джугджура, принадлежавших тогда Российской Империи. С тех пор бизнес разросся и ушёл вглубь материка, переместившись на Становой хребет. Современные методы добычи и роботизированное оборудование позволили поставить дело с размахом, но при этом сохранить секретность, находясь под носом у русских. С приходом коммунистов охрана границ и внутренних территорий усилилась, но золото продолжало течь из пещер долины Чалбук.

То, что он прочитал, грозило поставить под удар семейный бизнес и лишить его всего. Не зря с момента последней встречи он постоянно ощущал себя лягушкой на дне колодца.

Его лучшая воспитанница, переправленная в Союз пятнадцать лет назад, благодаря тонкому уму и обаянию удачно вышла замуж за ректора Благовещенского училища граждан-

ской авиации и транспорта и успешно справилась с заданием. Он отправил маленькой Сяолун медальон с чипом, на котором были зашифрованы инструкции. Медальон передал курьер под видом охотника, возвращавшегося с промысловой охоты в районе центральной части Станового хребта. Там, в комплексе пещер горного хребта, простирающегося вдоль долины реки Чалбук, и были расположены его фамильное секретное убежище и прииск. Сяолун, в замужестве Людмила, без проблем выбила себе командировку в город Циолковский, куда прибывал нужный офицер вместе с оборудованием, мотивировав свою поездку научной работой. Их встреча состоялась в гостинице, где нужный человек остановился на несколько дней, пока состав перегружали на сортировочной станции.

Из её отчёта было ясно, что офицер ВКС — космонавт, участвовавший в совместной российско-американской экспедиции на Марс, не ожидал контакта. Он не сразу воспринял кодовую фразу, и маленькая Сяолун очень обрадовалась, что выбрала укромное место, позволившее переждать приступ жестокой головной боли у мужчины. Тем не менее он послание принял, инструкции выслушал, но вот дальше пошло не по плану. Затащив её в свой номер, он прочитал содержимое и при этом непрерывно держал за руку, чем очень напугал. Отпустил только, увидев в письме что-то, что его успокоило.

И вот теперь это — поручение, от которого нельзя отказаться, а если он его провалит, то его ничего не спасёт: либо русские его достанут, либо Мастер Шы. Он получил обещанное имя, и, видимо, скоро поступят деньги, но теперь они его мало волновали. Белый Тигр казался добрым дядюшкой из прошлого, в которое, увы, уже никогда не вернуться. В Китае он теперь не был в безопасности, играя против официальных властей, которые сотрудничали с русскими братьями, — на прощение рассчитывать не приходилось. Но если он выживет во всей этой истории… А он должен выжить!

Что объектом контакта был известный русский космонавт, он понял в первый же день, как только вернулся со встречи к себе в офис. Он тщательно изучил кристалл с инструкциями для своего агента, прежде чем поручить это дело милашке Сяолун. Теперь же заказчик требовал эвакуации объекта после «манипуляции с грузом». Эта задача могла быть решена только через убежище в пещерах фамильного прииска.

Ван Юань быстро восстановил душевное равновесие, вспомнив любимый чэнъюй отца: не имеет смысла сторожить пень в ожидании зайца. Он снова обрёл благодушное настроение и, вернувшись за стол, жестом отпустил уже готового упасть в обморок адвоката. Теперь надо было действовать.

Глава 3

Поставив сержанту Копейкиной задачу на утреннюю тренировку, я со спокойной совестью доспал ещё час и проснулся на удивление бодрым, будто и не было ночных приключений. Доктор и вовсе прописал мне, по возможности, соблюдать постельный режим целый день и освободил меня от службы. Тем не менее утром было запланировано совещание в штабе, а после него я должен был заглянуть к доктору на второй сеанс в медкапсуле.

Шрамы и ссадины уже подзатянулись, и из зеркала над умывальником на меня смотрело слегка припухлое от полученных ударов, но вполне меня устраивающее лицо. Я улыбнулся своему отражению и не торопясь закончил бритьё. До усов или бороды я пока не созрел, хоть на армейской службе это и не запрещалось, так что бриться приходилось каждый день. Кремом я принципиально не пользовался. Кто знает, не захочется ли мне однажды отрастить капитанскую бородку.

Признаки китайского происхождения на моём лице найти было трудно, конечно, но я внимательно рассмотрел себя и вспомнил своего аватара, у которого вместо моих русых волос была практически чёрная шевелюра. Надо будет озаботиться и начать привыкать к новому образу, а для этого хорошо бы поспрашивать наших дам, как они решают вопрос с окраской волос, если встаёт такая необходимость. Желательно научиться делать это самостоятельно, а не ходить в салон.

Когда и как меня сдёрнут из дисбата, Сивков точно не сказал. Общая логика процесса выглядела так, что мне предстояло отслужить здесь достаточно долго, а потом то ли уволиться в запас, то ли ещё что произойдёт. Из нашего разговора я понял, что подготовка операции по заброске будет идти параллельно со службой в дисбате, и конкретный момент и способ будут доведены до меня позже.

Единственным ограничением оставалось чётко определённое стартовое окно, рассчитанное на январь следующего года. На типовом шахтёрском транспорте, оснащённом комбинированным двигателем корпорации «Хэтпит», можно было достичь Главного пояса и спрятанной там, на одном из астероидов, верфи «Китеж» за две — три недели, если грамотно выполнить гравитационный манёвр на орбите Марса.

Самым распространённым решением для космических кораблей были комбинированные плазменные двигатели с квантовым ускорителем. В этой сфере между государствами и корпорациями шла настоящая война плаща и кинжала. В самой «Хэтпит» только узкий круг специалистов знал, что двигатели серии «Дракон», или по-корейски «Ён», разработаны в лабораториях Советского Союза и производятся в закрытом цехе на верфи «Китеж».

Возвращаясь к моей задаче, всё было просто: к январю я уже должен сидеть за штурвалом грузовика на орбите и числиться в «Хэтпит». К сожалению, я не имел ни малейшего представления, как туда устраиваться: знал только, что надо подать объявление, а потом со мной свяжутся. А до этого предстояло добраться до аватара, объединиться с ним где-то в окрестностях Сунчхона и не засветиться ни на одной приличной системе контроля. По самым скромным прикидкам выходило, что мне к концу осени уже необходимо быть в аватаре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.